

Юлия Бузакина
Папа, где ты был?

«Литнет»

2025

Бузакина Ю.

Папа, где ты был? / Ю. Бузакина — «Литнет», 2025

— Мы по поводу Ивана Зайцева. Его сегодня должны были забрать органы опеки и доставить к вам, — начинаю робко. — Я бы хотела усыновить мальчика. Директор хмурится. — Разве есть препятствия для того, чтобы забрать ребенка из детского дома домой? - продолжаю нервно. - Документы я оформлю, не волнуйтесь. Я врач, ответственный работник здравоохранения, поэтому... — Я ценю вашу инициативу, но у ребенка есть отец. — Как, отец?... - тушуюсь. В книге есть: властный харизматичный герой, решительная героиня, дети, юмор, любовь,♥# которой в планах не было. Вторая книга в подарок здесь:

© Бузакина Ю., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Елена	5
Глава 2. Елена	7
Глава 3. Олег Тихонов	8
Глава 4. Олег Тихонов	10
Глава 5. Олег Тихонов	12
Глава 6. Олег Тихонов	14
Глава 7. Олег Тихонов	16
Глава 8. Олег Тихонов	18
Глава 9. Олег Тихонов	20
Глава 10. Елена	23
Глава 11. Олег Тихонов	26
Глава 12. Елена	29
Глава 13. Елена	32
Глава 14. Елена	34
Глава 15. Елена	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Елена

— Беда, мама!

Моя дочь Катя врывается в прихожую с присущей возрасту эмоциональностью.

Я отрываюсь от ноутбука. Вздыхаю. Катюше одиннадцать, она плавно входит в переходный возраст, и любая мелочь перерастает для нее в трагедию. За последнюю неделю я слышала эту фразу как минимум раз сто. То белье не подходит, то в магазине нет джинсов ее размера, то белая рубашка недостаточно хороша. Начало учебного года всегда стресс.

— Катюш, если ты про новые кроссовки, то хочу официально заявить – вопрос закрыт, — сообщаю твердо, пока дочь возится в прихожей.

Начало учебного года вносит свои коррективы – летний отпуск остался лишь в воспоминаниях, Катя требует постоянного внимания, а на работе завал.

Да, я мать-одиночка, а еще я врач. Работаю в больнице скорой медицинской помощи анестезиологом-реаниматологом. Работы всегда много, а тут еще на прошлой неделе нам поставили нового хирурга – Олега Григорьевича Тихонова.

Мы с Тихоновым примерно одного возраста – мне тридцать один, ему тридцать четыре с хвостиком, но этот уверенный в себе мерзавец за неделю успел дважды довести меня до нервного срыва.

Отодвигаю ноутбук в сторону. Морщусь.

Он безумно нравится женщинам, надо же! Как? Почему? Что они в нем находят?

Впрочем, чему я удивляюсь? Высокий, в хорошей спортивной форме мужчина всегда притягивает взгляды. А у этого и русые волосы аккуратно уложены, и пронизательный взгляд серых глаз пробирает до мурашек, и брутальная щетина придает образу суровость. Одет он всегда практично – черная футболка и джинсы, но почему-то эти простые вещи делают его идеальным.

Морщусь. Потираю виски. У меня Олег Григорьевич уже неделю вызывает мигрень и желание закрыться в ординаторской изнутри и не показываться в холле. Почему-то из всех сотрудников для своих придирок он выбрал именно меня, и это ощущается особенно остро. Его гадкие замечания сильно расстраивают и совершенно не способствуют слаженной работе во время операций.

Говорят, у него до неприличия состоятельная семья, но меня мало интересует его материальное положение. Все, чего я хочу – это чтобы он прекратил меня тиранить.

— Да нет же, мам! — Катя врывается в нашу миниатюрную гостиную, возвращая меня в реальность. — Беда самая настоящая!

Я усаживаю дочь на маленький диванчик. Беру за руки.

— Так, рассказывай.

— Тетя Таня в горах позавчера разбилась! Сорвалась с вышки, и...

Дочка закрывает лицо руками.

Я напряженно сглатываю.

— Как... разбилась?

— Сорвалась! А как же Ваня, мам?

Я чувствую, как по телу прокатывается волна паники.

Таня Зайцева – моя лучшая подруга. Учились в одном классе, в гости друг к другу бегали. Потом разошлись – я стала реаниматологом, а Таня инструктором по фитнесу. Пару лет назад мы снова встретились на школьной линейке первого сентября. У меня Катюша, у Тани – Ваня.

Дети сразу подружились. Я Катю воспитываю одна, Таня своего Ванечку тоже сама. У нас папа ушел из семьи через год после рождения дочери, а Таня про отца Вани никогда ничего не рассказывала. Родила для себя, и точка. Что ж, у каждого своя правда.

— Ничего себе, новости, — срывается глухое. Я поправляю дрожащими руками собранные в узел светлые волосы. Пытаюсь унять панику. Вспоминаю, как Таня уговаривала меня пойти с ней в тот поход. Как она бредила этим восхождением.

— Ваня совсем один остался, мам, — возвращает меня в реальность дочь. — Ты же знаешь, у него никого нет. Его же... в детский дом отправят! Я этого не переживу, мамочка.

— Милая, я уверена, что у тети Тани были родственники. Никто не отправит его в детский дом.

Катя всхлипывает.

— Отправят, мам. Нет у него никого.

Я нервно потираю виски.

— А сейчас Ваня где?

— Ребята сказали, что классная капнула в попечительский совет. Они приехали и его забрали!

Я сглатываю ком в горле. Глаза обжигают слезы.

— Как же так? — шепчу растерянно. Никак не хочет мое сознание принимать жестокую реальность.

— Мам... давай его заберем, а? Ну, пожалуйста? Я не хочу, чтобы он в детском доме остался. Он мой лучший друг, мама!

— Ладно... погоди, надо подумать...

Я нервничаю. Меряю шагами гостиную, напряженно потираю виски.

Осознаю, что единственно верное решение – усыновить Ваню. Уверена, Таня сделала бы для меня то же самое. Просто... и я, и она – матери одиночки. Сами детей растим. Поэтому всегда готовы прийти друг другу на помощь.

На глаза невольно наворачиваются слезы. Я не могу отдать ее ребенка в детский дом!

— Поехали, — принимаю решение.

Глава 2. Елена

Катюша вся дрожит.

— Поехали, мам. Заберем Ваню домой, и дело с концом!

Я понимаю, что забрать просто так не получится. Придется постараться, чтобы оформить все документы об усыновлении. Но я не я, если не добьюсь цели.

Я захлопываю ноутбук, хватаю ключи от машины и накидываю на плечи шерстяной кардиган.

Спустя пять минут моя машина несется по дороге в сторону детского дома номер один. Катя нервничает. Ерзает на заднем сиденье, дергает ремень безопасности. Да и я сама не своя. Ребенок в беде, и мы должны ему помочь. Потому что не чужой нам Ваня! Свой он.

Нам несказанно везет – несмотря на выходной день директор детского дома и по совместительству начальник попечительского совета нашего района Наталья Сергеевна Крутова на месте и может нас принять.

Вид у Натальи Сергеевны такой мрачный, что я сразу осознаю всю тщетность бравой попытки защитить сына Тани.

— Мы по поводу Ивана Зайцева. Его сегодня должны были забрать органы опеки и доставить к вам, — начинаю робко. — Мы с его матерью были лучшими подругами, и я бы хотела усыновить мальчика.

Она хмурится. Смотрит на меня долгим-предолгим взглядом.

— Вы серьезно?

— Еще как серьезно. Разве есть препятствия для того, чтобы забрать ребенка из детского дома домой? Документы я оформлю, не волнуйтесь. Я врач, ответственный работник здравоохранения, поэтому... обещаю, с мальчиком все будет в порядке.

Наталья Сергеевна тяжело вздыхает.

— Я ценю вашу инициативу, но, к сожалению, дать согласие на усыновление мальчика не могу.

— Почему?!

— Потому что у ребенка есть отец.

— Как, отец? — распахиваю широко глаза.

— Да нет у него отца, мам! — рвется в бой Катка. — И не было никогда! Он мне сто раз говорил: мама родила его для себя, чтобы любить и баловать.

Крутова громыхает тяжелой папкой о стол.

— А вот документы подтверждают совершенно обратное. Отец у ребенка имеется.

— Но это же смешно! Он от него откажется!

— Вот когда откажется, тогда велкам в мой кабинет. Ваню можно будет усыновить.

Я растерянно прижимаю к груди сумку.

— А кто его отец, не скажете?

— Судя по записи в свидетельстве о рождении и по записке, которая к нему приложена, отцом мальчика является Олег Григорьевич Тихонов, врач. Специализация – сердечно-сосудистая хирургия.

Я нервно икаю.

— Не может быть... Где вы взяли эту записку?

Она выкатывает глаза.

— Женщина, записку написала мать! Тут помечено – в случае экстренной ситуации сообщать отцу ребенка о его существовании.

Я пытаюсь унять дрожь в теле. «Это дурной сон», — вертится в голове.

Глава 3. Олег Тихонов

Мобильник противно вибрирует вызовом. Я раздраженно посматриваю на панель.

Пациенты у меня нервные, работать приходится на износ, поэтому в выходной день тишина моей нервной системе просто необходима. Рано или поздно все выгорают. Я тоже не робот.

Выходной у меня впервые за последние три месяца, и мне не терпится поскорее оказаться дома. К сожалению, туда я попаду только к ночи. Сейчас я тороплюсь на семейное торжество.

Жму на газ, несусь по трассе. До загородной резиденции моего отца осталось совсем немного.

«Олег, ты – мой самый неудачный проект», — звенит в ушах его усмешка. И если бы он это лично сказал! Но нет. Во всеуслышание – на своей свадьбе, перед новой женой, друзьями и партнерами.

С тех пор, как он женился второй раз, я стал редким гостем в родном доме. Да, я неудачный семейный проект.

Сегодня отцу исполняется шестьдесят. Он – известная персона в строительном бизнесе. Его концерн строит элитную недвижимость и конечно, юбилей празднуют на широкую ногу. Иначе никак – папина новая жена любит пускать пыль в глаза.

Прикрываю на миг глаза. Я до сих пор не могу смириться с тем, что отец женился на своей секретарше! Он принял в дом не только новую женщину, теперь в моем доме живет ее родной сын. Пасынок моложе меня на десять лет, но метит в папины заместители. Ведь работает там же, в отцовской компании.

С тем, что в моем родном доме отныне царствует сын отцовской любовницы, сложно смириться. Вот и сегодня – этот прихвостень с красивым именем Филипп будет играть роль папиного любимчика, а я так – родная кровь, которая держится особняком.

Я везу отцу подарок – золотые часы от известного бренда. Хочу, чтобы он видел – я тоже стал уважаемым человеком и твердо стою на ногах. Да, у меня свой путь. Я хирург. Но я хороший хирург.

Бегло осматриваюсь по сторонам. Чем ближе родительский дом, тем чаще каждый уголок пробуждает горькие воспоминания.

Моя мать погибла при весьма загадочных обстоятельствах, но делу не дали ход. Отец мотивировал это тем, что не хочет, чтобы нашу фамилию трепала желтая пресса. Он быстро женился на своей любовнице, а я... я так и остался его неудачным проектом. Все потому, что отец делал на меня ставку, мечтал, что я потяну на себе его строительный бизнес, но я стал хирургом.

Это в медицине я обладаю влиянием и оброс связями. В собственной семье я помечен черной меткой.

Телефон снова прорывается вызовом. Раздражает.

Номер незнакомый.

Абонент настойчив. Звонит снова и снова.

Приподнимаю бровь.

«Кто же такой упорный?»

Срываюсь, хватаю трубку.

— Да? — произношу резко, не спуская глаз с дороги.

— Здравствуйте. Могу я услышать Олега Григорьевича Тихонова?

«Мошенники», — закатываю глаза.

— Олег Григорьевич — это я. Но код от смс не дам, не надейтесь.

Уже собираюсь сбросить, как слышу грозное:

— Какой еще код от смс, мужчина? Это попечительский совет.

Хм, так меня еще не разводили. Определенно, телефонные мошенники вышли на новый уровень.

— Женщина, не стоит со мной шутить, я сегодня не в духе, — цежу устало.

— Вам знакома Татьяна Васильевна Зайцева? — чеканит казенным тоном неведомая собеседница.

— Не припомню такую, — отмахиваюсь рассеянно.

— Вы уверены? Подумайте еще, пожалуйста.

— Женщина, я никаких Зайцевых Татьян не знаю.

Моя собеседница грозно ухмыляется.

— Ох уж, эти мужчины. На любые уловки пойдут, лишь бы не нести ответственность.

Я напрягаюсь. Ответственность — мой конек, и слова случайной собеседницы мне оскорбительны. Уже собираюсь повесить трубку, но не успеваю — голос оживает:

— Татьяна Зайцева погибла три дня назад. Вашего общего ребенка передали в органы опеки для дальнейшего оформления в дом ребенка, — продолжает чеканить голос неведомой мне собеседницы.

Я ошеломленно зависаю.

— Вы что-то путаете. У меня никогда не было детей!

— В документах, которые были найдены при мальчике, вы указаны отцом, — убивает меня голос в телефоне.

— Отцом?!

Это что-то новенькое.

— Не смешите меня! Скорее всего, это простое совпадение. Вымышленное имя отца не создает юридических последствий в отношении этого человека.

— Мужчина, вы ребенка забирать будете? — возмущенно перебивает меня неведомая собеседница. — Мы обязаны оповестить родных, прежде чем оформим его в детский дом. Потом выцарапать его оттуда будет намного сложнее. А еще его могут отдать в другую семью. Здоровых детей быстро разбирают разные... кхм, благодетели.

Я напряженно сглатываю. В душе начинают шевелиться сомнения. А вдруг мой ребенок? Ну, а что? Раз в год и палка стреляет. Что уж говорить про мои связи с женщинами?

— И... сколько лет ребенку? — уточняю осторожно.

— Одиннадцать.

— Вы издеваетесь?

— Нет. У вас есть сын, товарищ Тихонов. Так что, вы приедете, или как?

Глава 4. Олег Тихонов

— Я вам перезвоню, — чеканю на автомате и сбрасываю вызов.

Съезжаю на обочину и останавливаю машину. В голове шумит: *«У вас есть сын, товарищ Тихонов!»*

Посматриваю на телефон. Почему-то гадкая интуиция не хочет отпускать. Таня, Таня... Кто такая? Впрочем, если ребенку одиннадцать, то я должен был с ней встретиться двенадцать лет назад. Вот как вспомнить, где я был в то время? Да у меня все дни, как один – похожи друг на друга! Я же хирург. Работаю в приемном отделении. У нас что ни день, то завал. А женщины... ну, что женщины? Я мужчина видный, интим люблю, не без этого. Надо же как-то сбрасывать напряжение после работы? Кто меня осудит? Но так, чтобы ребенка сделать – это нонсенс. Если бы какая-то из моих любовниц оказалась в положении, она бы обязательно сообщила. Ведь ребенок – ответственность. А с меня можно сбить нехилые алименты. Так что... наверное, это ошибка.

Откладываю телефон в сторону и смотрю прямо перед собой, сквозь пейзажи.

«Мужчина, вы ребенка забирать будете? Мы обязаны оповестить родных, прежде чем передадим его в детский дом»

Да чтоб тебя! Нет у меня никаких детей. Если неведомая мне Таня родила ребенка, то могла хотя бы сообщить об этом? Почему я теперь чувствую себя полным идиотом?

Психую. Бью руками по рулю и выхватываю с панели мобильник.

Набираю незнакомый номер.

— Алло, это я, тот самый безответственный товарищ Тихонов. Куда подъехать, посмотреть на ребенка? — уточняю, а сам не верю, что спрашиваю.

— Мужчина, дети – это не питомцы! Это вы собаку можете в питомник подъехать посмотреть. С детьми так нельзя, — пишет возмущением голос.

— Вам ребенка мне впарить нужно, или нет? — злюсь.

— Хорошо, подъезжайте.

Она диктует адрес детского дома номер один. Называет фамилию директора – Крутова.

Выдохнув, разворачиваю тачку, нарушая правила дорожного движения. Решаю, что батя подождет. Его неудачный проект немного занят. Пусть Филипп ему дифирамбы поет.

Вот и детский дом номер один. Паркуюсь на свободном месте, и взгляд цепляет машину моей сотрудницы – Елены Куропаткиной. Мысленно взрываюсь. Никто не раздражает меня так, как Елена. Ну не женская это работа – реаниматолог! И дело совсем не в моем мужском шовинизме. Все потому... В общем, она похожа на мою мать. Те же голубые глаза, ясный взгляд, копна светлых волос... Никто не смеет напоминать мне о матери, особенно в операционной, где ставка – жизнь человека!

Слишком больно осознавать, что ее нет. А Куропаткина посмела напомнить. И теперь желание у меня одно – выжить ее из больницы к чертовой матери! Лишь бы глаза ее ясные не видеть каждое утро на планерке. Знаю, по мне плачет психиатр. Увы, и ах. Сделать с собой ничего не могу.

Не успеваю подойти к входной двери, как на порог вылетает Куропаткина. Влипает в мою грудь, и оторопело замирает.

Я инстинктивно сжимаю ее в объятиях, чтобы удержать равновесие, и в нос ударят нежный запах ванили, смешанный с чем-то особенным, приятным. Прикрываю на миг глаза от удовольствия. Так бы и держал ее вечно в своих руках, закрыв глаза, и наслаждался запахом.

А потом взгляды встречаются. От голубизны ее глаз внутри поднимается дикий протест. Она не имела права украсть у моей мамы взгляд!

— Елена Андреевна? — приподнимаю недобро бровь.

Она толкает меня в грудь, сжимает кулаки.

— Вы ему не отец! — вместо приветствия выкрикивает мне в лицо. — Давайте начистоту: не были им и никогда не станете!

— Что? — я на миг даже теряюсь. Ничего себе, Куропаткина. Жить, что ли, надоело?

— Ничего! Просто напишите отказ, и я заберу Ваню домой.

Стоит, выпятив воинственно грудь вперед. Кажется, еще миг – набросится на меня с кулаками. Амазонка, мать ее!

Мой взгляд скользит ниже. Из-за ее спины выглядывает еще одна пара таких же голубых глаз.

«Да чтоб тебя!» — тарашусь на малявку с косичкой из светло русых волос. Даже шаг назад делаю. Потому что снова тот же мамин взгляд.

— Отдайте Ваню! — выкрикивает малявка. Тоже кулачки сжала, стоит, скалится на меня, как чербер. Маленький такой, мимимишный голубоглазый черберчик.

«Ой, как страшно», — ухмыляюсь мысленно.

— А вы сначала от своего ребенка отказ напишите, Елена Николаевна, чтобы я мог его к себе домой забрать, — наступаю на женскую половину, расправив свои крепкие плечи.

Куропаткина осекается. Замолкает. Только тарашится на меня голубыми глазищами. И почему-то мне хочется их выцарапать.

— Что, не напишите? — ухмыляюсь жестко. — То-то же!

Огибаю ее, задеваю умышленно плечом. Да, я псих. Да, больной на голову холостяк. А Куропаткина мало того, что на работе бесит, еще и ребенка моего хочет забрать!

— Это другое! — не отступает она. — Вы этого мальчика в глаза не видели...

— А вам это откуда известно, Елена Прекрасная? — оборачиваюсь с усмешкой.

— Мы с его матерью лучшие подруги. Ваня нам с Катюшей, как родной. У него отца не было никогда.

Ну, приплыли! Эта неведомая Таня Зайцева еще и лучшая подружка Куропаткиной?

— А теперь будет! — отрезаю грубо и толкаю входную дверь. Куропаткина с дочкой остается по другую сторону. Стоит, уничтожает меня взглядом. Испепеляет. Усмехаюсь. Представляю, как она мысленно меня убивает, а потом расчленяет в ванной и растворяет в кислоте.

Никогда не думал, что придется делить ребенка с Куропаткиной.

Глава 5. Олег Тихонов

Я стучу в дверь кабинета директора Натальи Сергеевны Крутовой.

— Войдите! — слышу женский голос.

Дергаю ручку, почему-то волнуясь. Не каждый день твоя расписанная по часам холостяцкая жизнь взрывается от сообщения о том, что ты отец.

Захожу, осматриваюсь по сторонам. Чистенько, но бедненько. Впрочем, чего я хочу от учреждения, где воспитывают брошенных детей?

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна, — произношу чуть громче, чем следовало. Потираю колючий подбородок.

— Вы Тихонов? — смотрит на меня она.

Коротко киваю.

— Присаживайтесь, Олег Григорьевич.

Но присаживаться мне что-то совсем не хочется.

— Давайте сразу начистоту, — подаюсь вперед. — Я не уверен, что женщина, которая погибла в горах, когда-то была мне знакома. Возможно, ее фантазия создала сочетание имени и отчества в момент, когда она заполняла графу «отец». Поэтому я прошу дать мне возможность провести ДНК экспертизу, прежде чем мы продолжим наш разговор. Вы можете предоставить биоматериал мальчика? Поймите, я врач. У меня есть связи во всех медицинских заведениях нашей области. Я могу получить результаты экспертизы в считанные часы. Сегодня к вечеру я буду знать точно, мой ли это ребенок.

Она вздыхает. Постукивает пухлыми пальцами по столу.

— Это не совсем правильный подход, но... если это даст мальчику шанс оказаться в семье, то я согласна дать вам биоматериал ребенка прежде, чем вы с ним познакомитесь. Могу ли я надеяться, что вы дадите свой ответ сегодня к вечеру?

Я коротко киваю.

— Даю слово.

— Тогда подождите здесь. Я попрошу медработника взять у мальчика образец слюны и волос.

Она покидает кабинет, а я сижу, таращусь в стену ядовитого желтого цвета. С чего я взял, что это мой ребенок? Возможно, это чей-то розыгрыш? Месть какой-то обиженной женщины? У меня ведь их было много. Не могу сказать, что я бабник, но... не без этого. А что? Я свободен, как ветер. Имею право.

В телефоне мелькает сообщение. Скольжу взглядом по экрану. Сообщение пришло от самозванца, который сейчас восседает за праздничным столом по правую руку от моего все-сильного отца.

«Все гости приглашены к четырнадцати часам. Уже четырнадцать тридцать, а тебя все нет. Папочкин неудачный проект снова облажался?» - брызжет ядом Филипп.

Чувствую, как нервно дергается кадык.

Никто. Не имеет. Права. Так. Меня. Называть.

Уж отцовский прихвостень точно!

Вышвырнуть бы его из дома, который по праву рождения мой. Но там теперь другая царица. Та, с которой отец предавал мать. На похоронах он сказал, что своей смертью мама принесла ему огромное облегчение. Я ударил его в лицо кулаком. Вмешалась охрана, потасовку быстро остановили, но сломанный нос еще долго украшал лицо моего прекрасного папы. Даже на свадебных фотографиях он со сломанным носом, потому что его царица желала как можно скорее оформить их брак и не стала ждать, когда нос восстановится.

Закипаю. Кто позволил Филиппу называть меня неудачным проектом? Сжимаю кулаки.

В голове ядерной бомбой взрывается решение наказать мерзавца за дерзость. «Жди, Фил. Через пару часов нагряну, и сломанный нос – меньшая из твоих бед». Да, я не за мирный атом.

Мне давно не страшны публичные скандалы. В свободное от работы время я могу вести себя, как угодно, у меня своя правда.

...Дверь открывается, и на пороге появляется директор Крутова вместе с медработником. У той в руках пакет с биоматериалом.

Я забираю у них пакет.

— Отлично. Думаю, через пару часов я буду точно знать, мой ли это сын.

Крутова протягивает мне визитку.

— Позвоните мне, как только получите результат на руки. Я буду ждать ваш звонок.

Киваю.

— Обязательно.

Когда я выхожу из детского дома, Куропаткина все еще сидит в своей машине вместе с дочерью.

Увидев меня, Елена Николаевна выбирается из машины.

— Олег Григорьевич, нам с вами просто необходимо обсудить будущее сына моей подруги...

— Позже, — грубо обрываю ее.

Она бежит за мной следом.

— Вам что, сложно остановиться и поговорить по-человечески?

Притормаживаю. Сканирую ее раздраженным взглядом. Ухмыляюсь.

— С истеричкой, которая грозит отнять у меня ребенка?

— Я не истеричка! Просто этот ребенок мне не чужой. Я волнуюсь за него.

— Елена Николаевна, а вам известно, что благими намерениями выстелена дорога в ад?

— Не в этом случае!

— У вас ведь уже есть дочь, верно? Занимайтесь ею. А мне позвольте разобраться с моими обязанностями.

— Но Ваня...

— Отправляйтесь домой, Елена! Если подтвердится, что Ваня – мой сын, я заберу его домой.

Я подхожу к своему автомобилю, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Куропаткина внезапно сдает позиции. Отступает на шаг, потирает плечи ладонями.

— Почему вы так ко мне относитесь? Чем я вам не угодила? — уточняет дрожащим голосом.

— Всем, — подмигиваю ей.

Она торопится. Стоит и как выброшенная на берег рыбка то открывает, то закрывает свой очаровательный ротик.

Взгляд невольно скользит по ее губам. Не могу отвести глаз, так и манят эти губы.

Мысленно чертыхаюсь.

Забираюсь в свою машину, кидаю пакет на переднее сиденье и быстро отъезжаю, оставив Куропаткину стоять посреди парковки. Ишь, ты, вцепилась бульдожьей хваткой в чужого ребенка!

Глава 6. Олег Тихонов

Я гоню машину по дороге, нарушая правила. В голове шумит. Набираю параллельно номер телефона одного из своих коллег, что работает в медцентре, где быстро сделают нужный мне анализ. Никиту Балановского сто лет знаю, он – один из самых лучших специалистов.

— Без проблем, Олежа. Приезжай, — звучит теплое на другом конце.

И я еду. Поглядываю на пакет, что сиротливо лежит на переднем сиденье. Почему-то ловлю себя на том, что меня потряхивает. Как будто разрывную гранату везу, честное слово!

«А что, если ребенок мой? Как тогда жить? Это же... это с ног на голову все перевернется. Придется менять расписание, привычки...»

Только сначала тест ДНК надо сделать. А то вдруг дамочка действительно вымышленное имя вписала в свидетельство о рождении, а сотрудница попечительского совета просто клуша?

... Меня принимают, как самого дорогого гостя. Предлагают чай-кофе, делают забор материала, а потом я долго сижу под дверью лаборатории, таращась на противоположную стену. Перед глазами проплывает вся моя жизнь. Все эти тщетные попытки показать отцу, что я ни неудачник. Учеба, работа на износ, создание своей репутации в мире медицины, звание самого успешного молодого хирурга. И итог - публичное оскорбление, «неудачный проект», которое благодаря усердию мачехи и ее сыночка просочилось даже в прессу.

Я иду по жизни вперед, не оглядываясь. Иногда – по головам, сцепив зубы и запретив себе чувствовать. Я – одиночка. Хирург, имя которого в определенных кругах вызывает трепет. Это как быть рок-звездой, только в своем мире. Моя мама говорила, что, когда играешь на своем инструменте, ты не имеешь права облажаться. На кону – жизнь пациента. Золотые слова, которые запомнились мне навсегда и стали девизом.

— Олег, — слышу голос Балановского. Отмахиваюсь от своих демонов.

— Да?

Никита улыбается.

— Результаты готовы.

Эта фраза режет по нервам, будто острый нож. А идиотская улыбка коллеги обжигает.
— Что там? — впираюсь в него глазами. — Давай, не томи, читай!

Балановский пробегается глазами по тексту.

— У тебя сын, Тихонов, — произносит слегка озадаченно. — Знал бы я тебя не так хорошо, просто бы поздравил. Но я тебя, шельму, знаю. Скажи, как тебя угораздило-то, а?

Я вырываю результаты экспертизы у него из рук. Читаю.

Черным по белому: совпадение - 96, 6%. А значит, я точно отец.

— А вот если бы я знал, Никита, я бы тебе сам рассказал. Но я не знаю, как это вышло. Я больше тебе скажу – я мать его не помню!

— Ну ты и распутник, Олежа, — ржет Балановский. — Не зря говорят: Бог шельму метит. Вот и тебе сюрприз на светлую голову!

— Не смешно. Вот совсем. Ни капли не смешно, — отмахиваюсь от насмешек.

Покидаю медцентр, сажусь за руль и несколько мгновений просто сижу...

Таращусь в никуда. Лихорадочно пытаюсь представить, есть ли место для ребенка в моей холостяцкой квартире, которая расположена в одной из самых высоких башен с видом на город. Квартира у меня – будь здоров. Охраняемая территория, подземная парковка на два автомобиля. Два уровня, три спальни, две гостиных, рабочий кабинет и огромная кухня-столовая. Домработница приходит три раза в неделю, готовит и убирает. На самом деле мне совершенно ни к чему такая роскошь. Я минималист.

Я купил эту недвижимость, чтобы позлить отца. Застройщик элитного ЖК «Зимняя вишня» – его самый сильный конкурент.

Скажите, хирурги так много не зарабатывают? Что верно, то верно. Только есть один нюанс. Моя мать родом из очень состоятельной семьи. Мой отец рассчитывал на ее средства. Но внезапно всплыло завешание, согласно которому единственным наследником оказался я. Отец не знал, что мама в курсе его измены. За неделю до гибели она успела составить завешание в мою пользу.

Конкурент моего отца предложил стать инвестором, и я согласился. Отец об этом ничего не знает. Я приглашен на его юбилей, потому что он планирует уговорить меня вложить деньги в его бизнес.

Подмигиваю своему отражению в зеркале. Неудачный проект обязан поддерживать свой имидж.

Набираюсь смелости. Выдыхаю.

«Поехали!»

Глава 7. Олег Тихонов

Мой внедорожник срывается с места. Несется по городу, огибая пробки, обратно в детский дом номер один. Даже не представляю, как выглядит ребенок, за которым я еду.

«Нет, ну, а что? У отца моего есть неудачный проект, так почему у меня не должно быть своего собственного проекта? Как знать, может, удачным выйдет?» - убеждаю себя, все больше уговариваю. Так, для смелости.

Вот и тот самый вход, у которого я столкнулся с Куропаткиной и ее маленькой копией.

Машины Куропаткиной на стоянке нет. Уехала, значит. «Скатертью дорога, Леночка!» — фыркаю победно. Ишь, ты, сына она моего забрать решила. Просто кладезь креативности!
Стучу в дверь кабинета директора. Та еще у себя.

Надо же.

— Войдите! — прикрикивает громко.

Шумно выдыхаю, опять для смелости. Толкаю плечом дверь.

Крутова без приветствий сверлит меня взглядом.

— Ну?

Я кладу ей на стол результаты тестирования.

— Это поразительно, но Ваня Зайцев действительно мой сын, — подтверждаю.

Она приподнимает выцветшую бровь.

— К-хм, быстрый вы, однако. Что ж, ребенок еще никак не оформлен, так что можете забрать.

— Прямо так, сразу? — тушуюсь.

— А что тянуть? Он домашний, к условиям приюта не привычный. Сразу видно – мамина сыночка-корзиночка. Мать потерял, находится в шоке. Постоять за себя не сможет. Его здесь закроют.

— Что ж, ведите — киваю. А у самого глухой болью отзывается собственная потеря. Я взрослый мужик. Что говорить о мальчишке, который внезапно остался один?

Крутова набирает какой-то номер по внутренней связи.

— Надя, приведи в мой кабинет прибывшего сегодня Зайцева Ивана из старшей группы. Да, с вещами. Отец за ним приехал.

Я напряженно сглатываю. Потираю нервно лоб. Да уж, испытание на мою эгоистичную голову. Интересно, какой он, Ваня?

Через пять минут за дверью слышатся шаги.

— Нет у меня папы! — звенит возмущением мальчишеский голос. — Не хочу я к нему идти! Это извращенец какой-то! Он меня на органы продаст! Я в интернете читал!

Мы с директором переглядываемся. За дверью слышится возня – упирается мой проект.

Но Надя не промах, рука набита – уверенно затаскивает его в кабинет за шиворот.

— Вот, привела, — сообщает торжественно.

Я впиваюсь жадным взглядом в ребенка.

Он стоит у стены, взъерошенный, вспотевший, похожий на воинственного воробышка. Черная футболка помята, старые джинсы уже коротковаты. Дешевые кеды протерты почти до дыр и, кажется, за лето их ни разу не стирали. Кулачки свои сжал, шумно дышит.

Сколько по нему озадаченным взглядом. Что такое быть папой, мне неизвестно, но почему-то нет у меня сомнений в том, что это мой ребенок.

Я поднимаюсь со своего места. Делаю шаг навстречу.

— Ну, здравствуй, Ваня, — произношу хриплым от волнения голосом. — Я твой папа, Олег Григорьевич Тихонов.

— Папа? — губы моей маленькой копии изгибаются в ядовитой усмешке. — Раз ты папа, то, где ты был?

— В смысле? — не понимаю вопроса.

— И где ты до этого был?

— Я о тебе просто не знал, — развожу руками.

— У меня папы нет! Мама всегда так говорила.

— Ну, так... а теперь есть, — произношу уверенно.

Ваня поворачивается к директору.

— Да не отец он мне! — произносит в панике. — Говорю же, торговец органами.

— Я, вообще-то, хирург, — цежу оскорбленно.

— Ну, вот, в больничке меня на органы и распилят. Я в кино видел! — пыхтит мой внезапно нарисовавшийся проект.

— Да ладно? — потираю оскорбленно подбородок.

— Ваня, я понимаю, что ты переживаешь. Но ты не волнуйся, — приходит мне на выручку Крутова. — Мы так просто детей не отдаем. Папа твой будет под нашим пристальным наблюдением. К вам первое время будет приходить наш сотрудник из попечительского совета. Проверять, все ли в порядке.

Воспитатель Надя тем временем затаскивает в кабинет набитый черный рюкзак.

— Вот, вещи мальчика. Можете забирать.

На несколько мгновений воцаряется тишина. Мы с Ваней сверлим друг друга взглядами. В его глазах отражается тысяча эмоций, и все они негативные. Наверное, в глубине души я его понимаю. Я бы на его месте тоже негативил. Но тест подтвердил, что ребенок мой, и теперь дороги назад нет. Я, конечно, эгоистичен, но жить с мыслью, что оставил своего ребенка в детском доме, не смогу.

подарок промо Просто останься JbilDzv-

Я подхватываю с пола тяжелый рюкзак, вешаю его на плечо. Протягиваю сыну руку.

— Пойдем, Ваня. Не бойся, я тебя не обижу.

Тот не сдвигается с места. И руку в ответ не подает.

— Что ж... — медлю. — Хочешь здесь остаться? Хорошо.

Кладу его рюкзак обратно на пол. Шаг. Еще шаг. Вот и коридор с такими же ядовито желтыми стенами, как и в кабинете у директора.

— Нет, стой! — резко меняет решение мальчик. Хватает рюкзак и тянет его за мной следом.

Я оборачиваюсь. Внимательно смотрю на него, забираю тяжелую ношу.

— Только... собаку мою заберем? — с надеждой спрашивает он.

— Какую еще собаку? — изумляюсь.

— Лютика. Он уже сутки как без еды и воды. Соседи уже, наверное, полицию вызвали...

Глава 8. Олег Тихонов

— Так, про собаку речи не было. Я врач, Ваня. Я работаю в отделении скорой помощи. Мне с собаками возиться некогда.

— Так и знал, что ты это скажешь. Не отец ты мне, ясно? Я остаюсь.

И тянет на себя тяжеленный рюкзак.

Я мешкаю. Рюкзак не отдаю.

— Ладно! — сдаюсь. — Спасем мы твою собаку. Только сначала в одно место заедем.

Мне срочно надо кое-кого навестить.

Ванька плетется за мной следом.

— И кого же? — любопытствует вяло.

Я хмурюсь.

— Деда твоего. У него юбилей сегодня. Надо поздравить.

Мы выходим на улицу. Уже вечереет.

Я открываю заднюю дверь своего авто, указываю сыну на заднее сиденье.

Он без слов забирается внутрь.

— Ого, вот это тачка! — произносит с восхищением. Вертит по сторонам головой, ощупывает кожаный салон.

Я хмыкаю.

— А то, — произношу с гордостью. Поворачиваю ключ в зажигании, и мой автомобиль трогается с места.

Некоторое время едем молча. Я слежу за дорогой, а у самого от волнения шумит в голове. Надо же, у меня есть сын!

— Я есть хочу, — подает голос Ваня.

Ловлю его взгляд в зеркале заднего вида.

— Скоро приедем на место, — успокаиваю его. — Потерпи немного, ладно?

— Не могу я больше терпеть. Я в последний раз вчера вечером ел, — произносит тихо.

Я хочу что-то сказать, но слова застревают в горле. Нащупываю в бардачке пару протеиновых батончиков и банку диетической колы, протягиваю назад.

— Вот, возьми пока. Не совсем полезная для детей еда, но хоть что-то.

Ребенок оживает. Батончики исчезают за мгновение, кола идет следом. Потом он вдруг замирает.

— А Лютик? Лютик уже два дня не ел, — произносит с нотками паники в голосе.

— Собаки сильные. Ничего не случится, если мы приедем за твоим псом на час позже, — пытаюсь его успокоить.

Мальчик хмурится. Таращится в окно, на сумерки.

— Слушай, а с кем тебя оставила мать, когда отправилась в поездку? — интересуюсь, чтобы перевести тему.

— Ни с кем. Она соседку, тетю Лиду, попросила за мной присмотреть. А так я самостоятельный. У меня есть Лютик, он всегда рядом... Был, — добавляет, помолчав пару секунд.

Ясно, у ребенка особая связь с собакой. Придется ее тоже забрать. У мальчика потеря, его нельзя с питомцем разлучать.

— Заберем мы твоего Лютика.

Морщусь: ну и имечко!

В детстве я хотел собаку, а вот сейчас она в мои планы не входит. Совсем.

Я посматриваю на Ваню в зеркало, размышляю. Судя по всему, ребенок еще не осознал до конца, что мать не вернется. Становится неловко от того, что я даже примерно не помню, как она выглядит.

Нет, не стоит мне его на юбилей к отцу тащить.

Вздыхаю. Посматриваю на лежащие в красивом пакете золотые часы, а потом закидываю их поглубже в бардачок. Я хотел подарить ему дорогой подарок и послушать, как чета Тихоновых будет изворачиваться, чтобы выудить у меня мамины деньги. Папина царица не в курсе, что денежки уже давно вложены в другой бизнес. Лучшей наградой было бы отчаяние на ее лице в конце мероприятия, но... Не будет сегодня у меня триумфа. Вместо того, чтобы тешить самолюбие на папином банкете, придется ехать собаку вызывать.

Хмурюсь. Вот только собаки мне еще не хватало! Остается надеяться, что это маленький песик, которого будет не слышно и не видно. Придется домработнице приплачивать за выгул.

Резко притормаживаю, на разрешенном участке дороги иду на разворот.

— Эй, мы куда? — встряхивается Ваня.

— Передумал я к деду на юбилей ехать. Погнали за твоим Лютиком, — сообщаю, попутно следя за дорогой.

— Правда? — мальчик оживляется. На бледном лице наконец проступает улыбка.

— Угу, — киваю. — Адрес давай.

Ванька чеканит адрес. Я напрягаюсь. Район – отстой. Туда лучше после заката не соваться. Да что там после заката! Днем и то страшно пешком ходить. Криминальные сводки только об этой клоаке и заявляют.

— Общага, что ли? — ловлю взгляд сына в зеркале.

— Да. Мы с мамой в общежитии живем, — подтверждает он.

— Ладно, разберемся, — обнадеживаю его. А сам осторожно так открываю на ходу бардачок, цепляю взглядом газовый баллончик. Надеюсь, не пригодится.

Интересно, Куропаткина тоже в этом районе живет?

— А с Еленой Николаевной Куропаткиной ты случаем не знаком? — срывается сам собой вопрос.

Сын озадаченно потирает лоб. Смешливо фыркает.

— Это Катина мама, что ли?

Я пожимаю плечами.

— Знаком, конечно, — Ваня оживает, и его губы расплываются в улыбке — Тетя Лена добрая. А Катя Куропаткина вообще мой лучший друг. Мы в одном классе учимся. Тетя Лена такие классные пирожки с картошкой печет, пальчики оближешь!

Я морщусь. Добрая она, да, как же! Я ее в прошлое дежурство попросил мне чай сделать, так она меня таким взглядом ошпарила, что я чаем этим подавился.

Глава 9. Олег Тихонов

Мы подъезжаем к общежитию. Я паркуюсь в свободном кармане, поближе к фонарям, с надеждой, что машину не обнесут, пока мы будем возиться с собакой. На всякий случай сую газовый баллончик в карман брюк. Пиджак от костюма, который приобрел за бешеные деньги по случаю юбилея отца, закидываю на сиденье. Закатываю рукава белой рубашки.

— Идем, Ваня, — кивком головы указываю сыну на обшарпанную подъездную дверь широченного девятиэтажного здания.

У подъезда на корточках сидят подозрительные мужчины в потрепанных толстовках и вытянутых трениках. Они щелкают семечки и провожают нас изучающими взглядами. Классика, блин. Видимо, не каждый день у общежития появляются фраеры типа меня – в белоснежных рубашках из атласа, брюках и сверкающих лоферах стоимостью с их полугодовую зарплату.

Я напряженно сжимаю в кармане газовый баллончик, а сам думаю, что надо было что-то посерьезнее сюда брать. Ибо в случае чего баллончик меня не спасет.

Сын достает из рюкзака ключи от квартиры, ловко юркает к подъездной двери. Толкает. Я ныряю внутрь за ним следом.

Мне в нос тут же ударяет жуткий прелый запах старого помещения и сырости. В холле горит одна единственная лампочка. Стены изрисованы всякими непристойностями.

Зажимаю нос. Сердце гулко стучит. Не нравится мне в таких местах.

Не привык я к такому. А вот Ванька здесь каждый угол знает. Видимо, его стихия.

Сын ловко жмет на пробитую кнопку лифта.

— Шестой этаж, комната 648, — произносит уверенно.

Я стараюсь пореже дышать и надеюсь, что мы успеем удалиться до того, как жуткий запах общаги пропитает мои вещи и волосы.

Лифт трясется, медленно везет нас наверх.

Я молю, чтобы трос не оборвался, и мы не оказались в шахте.

В помещении, отдаленно напоминающем общую кухню, шумно.

Кто-то жарит лук. Ненавижу этот запах. Снова зажимаю нос.

Мы находим нужную секцию.

И тут сюрприз - у двери с криво написанным красной краской номером 648 суется какой-то лысый толстый мужик в лыжном костюме.

По секции разливается неприятный запах. Жутко воняет дешевой краской, которой при царе Горохе красили деревянные полы.

«Свято место пусто не бывает. Вот и воры», — рассуждаю про себя. — «Учуяли, стервятники, легкую добычу. Квартира-то без хозяев простаивает, а весть о том, что хозяйка отпраздновала в иной мир, успела облететь округу».

Ванька притормаживает. Тоже обескуражен.

— Дяденька, а что вы здесь делаете? — интересуется тонким голоском, прежде чем я успеваю его осадить.

Мужик оборачивается. Потирает редкую бороду.

— Я здесь живу. А вы кто такие? — поглядывает на меня подозрительно. Скользит, скотина, оценивающим взглядом по моим вещам.

Ваня вспыхивает. Кидается к мужику.

— Это я здесь живу с мамой и Лютиком!

Тот фыркает. Шумно дышит.

— Тебя же в детский дом сдали? — бурчит недовольно. — Как ты оттуда выбрался?

Меня цепляет. Бесит этот товарищ до темноты в глазах.

— Слышишь, мужик, а ты вообще кто такой? У тебя на комнату документы имеются? — уточняю спокойно. А у самого медленно поднимается изнутри не выплеснувшаяся на Филиппа злость.

— А тебе какое дело? — пыхтит толстяк. — Сестра моя двоюродная, Танька, того, — указывает на потолок указательным пальцем. — А с ее спиногрызом я нянчиться не собираюсь! У нас с ней уговор был — я никакого отношения к ее ребенку не имею. Комната эта теперь моя. Так что я ее сдавать буду. Денежка не лишняя, знаете ли. И если что — полы покрашены, а замок я сменил. В комнату просто так не попасть. Даже не пытайтесь.

Я прищуриваюсь. Ишь, ты, как у него все гладко!

— Стоп... а вещи Татьяны и мальчика где?

— Да на помойке давно! Вчера еще вывезли все и выбросили.

— То есть, человека еще похоронить не успели, а ты уже избавился от вещей и ремонт затеял?

— Как, не успели? Все успели. Там же, на месте и кремировали. Я все оплатил.

У меня отваливается челюсть. Какой бы не была неведомая мне Татьяна, а не хотелось бы, чтобы вот так, не по-человечески с ней поступили.

Ванька срывается с места. Расталкивает нас, бежит к двери.

— Лютик! — кричит в замочную скважину истошным голосом. — Ты там?

Тарабанит по двери ладошкой. Пытается в скважину рассмотреть хоть что-то.

Новый жилец уверенно расправляет плечи.

— Нет там ничего твоего, малец. Проваливайте по добру, по здорову, пока я вам не навалял.

Я резко толкаю его к стене. Сжимаю крепкими пальцами его жирную шею.

— Это ты мне навалить собираешься? — уточняю с яростью.

Тот молчит. Сопит, сверкает злобно маленькими глазками.

— Собака где? — цежу холодно.

— Что?

— Где собака? Та, что здесь жила?

— А... так, я ее сдал...

— Куда сдал?

— Час назад в клинику отвез, заплатил, чтоб усыпили.

— В какую клинику?

— Для животных, что в доме напротив.

— Зачем? В приют сдать не мог?

— Да ты эту тварь вообще видел, чувак?! Такую ни в один приют не возьмут!

Мне бы уловить в этих словах предупреждение, но я на эмоциях. В глазах темнеет. Хватаю его за толстовку, дергаю на себя.

— А ну, звони в клинику, живо! — рычу ему в лицо. — Если собаку усыпили, клянусь, у тебя будут большие проблемы с этой конурой! Я просто так твой самозахват не оставлю. Заявлю, что ты присвоил чужое.

Видимо, у претендента на жилплощадь рыльце все в хорошем пушку. Не ожидал он, что кто-то еще сюда явится. От ребенка избавился, от вещей законных жильцов тоже. Даже, мать его, полы покрасить успел! Вот урод...

Так или иначе, а лысый мудака в лыжном костюме достает свой мобильник и набирает номер клиники.

— Скажите, а собаку, которую я вам привез, уже усыпили?.. У нее появились хозяева, хотят забрать...

Я размахиваюсь и бью его по лицу. Изумленно ойкнув, он оседает по стене на грязный пол, а я забираю его телефон.

— Девушка, здравствуйте. Собака еще у вас? Пожалуйста, придержите ее, мы уже рядом. Скоро заберем.

— Вы уверены? — звенит женский голос. — Я, конечно, сейчас проверю, но...

— Уверен, — выплевываю слова. Жму отбой и швыряю телефон на круглое пузо осевшего на пол подонка.

— Пошли отсюда, — хватаю за руку сына.

Он молча идет за мной, почему-то икает. Поглядываю на него. Видимо, от стресса. Надеюсь, что собаку не успели усыпить. Потому что если успели, то... Дальше лучше не думать.

Когда мы с Ваней выходим из общежития, в многоэтажке напротив я замечаю горящую огнями вывеску «Ветеринарная клиника».

Мы торопимся. Перебегаем небольшую дорогу и оказываемся перед дверью.

Я толкаю дверь плечом, Ваня ныряет за мной следом.

— Лютик! — врывается в операционную, забыв надеть бахилы.

— Куда? — строго смотрит на нас ветеринар. У него прием – инъекция для кавказской овчарки с перебинтованной лапой.

Ваня теряется. Вертит по сторонам головой.

— Лютик... — зовет растерянно.

В соседней комнате начинает громко лаять собака.

Сын поворачивается ко мне.

— Это он! Папа, это он, — и тянет меня за руку к двери.

Я притормаживаю. Грудь обжигает странное чувство. Меня впервые в жизни назвали папой. И это... неописуемое ощущение. От него щемит сердце и жжет в глазах. Не понимаю, как за час я умудрился из заядлого холостяка превратиться в чувствительного болвана?

Медсестра посматривает на нас.

— Через пять минут его должны были усыпить, — произносит виновато. — Вы вовремя подоспели.

Она ведет нас к двери, за которой слышен лай. Открывает и запускает внутрь.

— Лютик! Родной... — Ванька со всех ног бросается к клетке, а я оторопело застываю на месте. В клетке сидит огромное мохнатое чудище размером с кавказскую овчарку. Один глаз голубой, второй карий. Цвет серо-буро-малиновый, не иначе. А еще он пахнет псиной.

Я нервно хватаюсь за дверной косяк. Боже, помоги мне...

Глава 10. Елена

Я веду машину по проспекту, впившись в руль с такой силой, что белеют пальцы. Я успела отвезти Катю к репетитору по математике, а потом на занятие в секцию по плаванию. Сейчас заскочила за продуктами и еду забирать Катю с плавания.

После стычки с Тихоновым прошло время, но я все равно никак не могу прийти в себя. Руки до сих пор дрожат противной мелкой дрожью.

В моей душе все смешалось. Там бурлит ужас от осознания того, что Тани больше нет, взрывается тревога за судьбу Вани и кипит злость на Тихонова за его черствость и хамство.

«Почему вы так ко мне относитесь? Чем я вам не угодила?»

«Всем!» - мелькают в голове обрывки воспоминаний. Его презрительный взгляд, идиотская ухмылочка.

Я провожу по лицу рукой. Старательно приглаживаю свои светлые волосы, всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Станный он. С медсестрами флиртует, хотя многие из них выглядят внешне хуже, чем я. Что во мне не так? Может, он не любит блондинок? Или у него неприятие матерей-одиночек?

«Зачем я вообще о нем думаю?! Это же Тихонов! Он полный придурок! Богатенький докторишка, который строит из себя великого спасителя человечества!» — взрываюсь возмущением снова и снова. Но это не помогает. Его короткое: «Всем!» просто убило мою самооценку, которая и так была не слишком высока.

Дверь приоткрывается и на заднее сиденье ныряет Катюша.

— Мам, привет!

Выдыхаю. Заставляю себя улыбнуться.

— Привет, дорогая. Как прошло занятие?

— Как всегда. Ничего нового.

— Ладно, едем домой.

Я поворачиваю ключ в зажигании, и машина трогается с места. Некоторое время мы с Катей молчим, и я погружаюсь в свои мысли.

«Что во мне не так? Почему я ему не нравлюсь?» — накатывает снова и снова.

— Мам, как же быть? — нарушает молчание Катюшка. Нервно тербит замок на своей спортивной кофте. — Как спасти Ваню?

Я горько вздыхаю.

— Я не знаю, доченька... Правда, не знаю.

— А что, если твой начальник переведет Ваню в другую школу? Мы же тогда даже не сможем узнать, все ли с Ваней хорошо! Это... это ужасно, мам!

Она всхлипывает. С присущей девочкам ее возраста эмоциональностью начинает плакать.

Я шумно втягиваю грудью воздух. Бывает же такое совпадение! Тихонов — и отец Вани! А главное — Таня никогда о нем не говорила. Просто — родила для себя. И все.

Мы подъезжаем к нашей многоэтажке. Я замечаю свободный парковочный карман и сворачиваю туда.

Выключаю мотор. Катя выбирается из машины, бежит к друзьям из класса, которые кучкуются на лавочке у подъезда, а я просто сижу за рулем и таращусь на чахлые кусты в палисаднике.

В телефоне противно вибрируют сообщения. Заглядываю. Ага, активизировался чат нашего родительского комитета.

«Девочки, привет! Все в курсе про маму Зайцева?» — мелькает сообщение.

«А что случилось?»

«Ваню в детский дом забрали!»

«Как?»

«Кто-нибудь, разъясните, что происходит? Надо собирать деньги с класса или нет?» — это наша «казначей», Ирина. Ее всегда интересует исключительно вопрос сбора денег на нужды класса.

«Что, что? Ира, ты, как не в нашем районе живешь!» - летит чье-то едкое замечание.

«В общем так, девочки, дело у Вани Зайцева – дрянь», — активизируется председательша Милана. Она у нас индивидуальный предприниматель, владеет своей пекарней и ведет себя так, как будто она внучка самой королевы Елизаветы. Милана постоянно находится в активном поиске мужа и нового папы для своего сына Лёвушки. Тот на мамкиных пирогах оброс лишним весом, учится из рук вон плохо и обижает детей. Но больше всех Лёва задирает Ваню. На прошлой неделе они уже успели два раза подраться, а Милане – хоть бы что.

«Я была у него дома. Как вы все знаете, Ваня вместе с мамой жил в общежитии. Но там теперь новый хозяин. Назвался братом Ваниной мамы. Вещи Тани и ее сына он утилизировал. Ребенка успел отдать в детский дом, и даже покрасил полы в комнате, чтобы сдавать ее квартирантам».

Меня прошибает холодный пот. Это как же так?!

«Как, утилизировал?! — начинаю писать дрожащими пальцами. — Когда он успел?!»

«Я вам, Елена, скажу больше. На мой вопрос, надо ли помочь с организацией похорон, новоявленный хозяин комнаты ответил, что ничего подобного не будет, потому что он договорился о том, чтобы маму Вани кремировали там же, в Адыгее. Ушлый и скользкий тип. Мне он очень не понравился», — с легким налетом презрения продолжает накалять атмосферу председатель Милана.

— Боже...

Я откидываюсь назад на водительском сиденье. Прикрываю глаза. В голове шумит. Как такое могло произойти? Как маленький мальчик в одно мгновение оказался не только сиротой, но и бездомным?

«Куда смотрят правоохранительные органы? Почему допустили такое самоуправство и беспредел?» — набираю новое сообщение.

«А оно им надо?» — летит ядовитая ухмылка от председателя Миланы.

«ДЕВОЧКИ, ВАЖНОООО!» — чеканит капсом сообщение Светлана, мама Оли Калугиной. Эта вечно подлизывается к нашему классному руководителю, и поэтому ей первой присылают всякую информацию.

Все затихают в ожидании нового армагеддона.

«Ваня не сирота, мне наша классная Вероника Семеновна только что написала! У Вани, оказывается, есть папа! И он даже придет на родительское собрание в пятницу!» - выдает Света.

«Папа?»

«О, это уже интересно!»

«Папа, кстати, весьма недурен собой, холост, а еще он – врач. Я зашла к нему на страничку в соцсети, там та-а-а-кой красавчик!»

Та же ушлая Света вдруг забрасывает в беседку фото Тихонова. Он стоит на фоне нашей больницы в стильном пальто, скрестив руки на груди и задумчиво всматривается в даль.

Я нервно сглатываю. Фотография человека, с которым мы недавно погрызлись у входа в детский дом, неприятно царапает. Он уже неделю держит меня в напряжении на работе, и его появление в родительском чате окончательно меня добивает.

«О, боже, какой мужчина!»

«Девочки, я хочу увидеть его в реальности!»

«А я хочу от него дочку и сына!»

«Ира, куда тебе еще дочку и сына? Ты со своим лодырем справиться не можешь!»

«РУКИ ПРОЧЬ. ЛЁВУШКЕ НУЖЕН ПАПА», — идет в ход тяжелая артиллерия капсом от председателя Миланы.

Я хмуро смахиваю назойливые оповещения, но они мелькают снова и снова. Все так оживленно обсуждают Тихонова!

А я тихо покидаю чат. Потому что завтра в восемь часов утра мне предстоит лицезреть его на рабочем месте.

«Леночка, сделайте мне, пожалуйста, чай!»

«Леночка, а вы что, сахар в чай не положили? Как же так?»

Мне очень хотелось плюнуть в тот чай, но я сдержалась. Наверное, завтра плюну.

Глава 11. Олег Тихонов

Мой сын врывается в клетку и обхватывает чудище за мохнатую шею. Плачет навзрыд и целует его в грязную мохнатую морду.

У собаки эмоции тоже зашкаливают. Она лижет его в лицо, скулит. Мне кажется, или эти двое сейчас развалят клетку?

Я растерянно оборачиваюсь к медсестре.

— Я думал, что Лютик – комнатная собачка. А это... это точно пес?

Она смеется.

— Конечно. Только он беспородный. Сами видите, помесь. Да вы не переживайте, он на самом деле умный и добрый. Даже команды знает. Я очень переживала, что его усыпят.

— Я правильно понимаю, что у собаки нет никаких документов?

— Нет, конечно. Но мы можем завести ему паспорт и сделать необходимые прививки.

— А привести в порядок его можете? — умоляюще посматриваю на нее. — Оплачу услуги по двойному тарифу.

Она смотрит на часы.

— К сожалению, мы через час закрываемся.

— Пожалуйста. Тройной тариф.

— Хорошо. Я спрошу у грумера, сможет ли она задержаться.

— Спасибо огромное!

Я провожаю ее полным надежды взглядом, а сам себя не узнаю. Что-то со мной определенно не так, раз я согласен взять на себя собаку, которая больше похожа на чудище.

Нам везет, за тройную плату грумер соглашается задержаться на три часа. Собаку оставляют в клинике, а мы с Ваней отправляемся в небольшой торговый центр через дорогу. Там есть бургерная, где можно перекусить.

Мы занимаем один из столиков и заказываем кучу вредной вкуснятины: бургеры, картошку, нагетсы и колу. Наверное, нельзя кормить детей этой дрянью, но ситуация уже давно вышла из-под контроля, так что едим то, что есть в ассортименте.

Ваня ест с удовольствием. Набивает рот всем, что видит на столе, а потом, наевшись до отвала, откидывается на спинку дивана.

— Хочешь правду? Я думал, что больше никогда не увижу Лютика. — Произносит с грустью. Добавляет: — Как и маму...

Я тянусь за картошкой. Отправляю ее в рот, но она не идет в горло. Не могу поверить, что этот идиот в лыжном костюме договорился о кремации, не дав ребенку попрощаться с матерью.

— Мне жаль, что ты потерял маму, — угрюмо отвожу взгляд и тоже вздыхаю. — Хочешь, открою тебе секрет?

— Хочу.

— Я тоже потерял маму.

— Она умерла?

Киваю.

— Она переходила дорогу по пешеходному переходу, а из-за угла вылетел какой-то псих на машине.

Ваня серьезно смотрит на меня.

— Его посадили?

— Нет, — ухмыляюсь. — Твой дедушка не дал ход этому делу.

— А разве так можно? Полиция должна была вмешаться!

— Можно, если ты фактически владеешь всем городом.

Сын хмурится.

— Когда вырасту, я стану судьей и посажу в тюрьму всех преступников! Я стану справедливым и неподкупным, — произносит уверенно. И смотрит на меня так... по-взрослому.

Я улыбаюсь. Похлопываю его по плечу.

— Надеюсь, у тебя все получится, малыш.

Некоторое время мы молчим.

— А ты где живешь? — нарушает молчание Иван.

— В квартире, в центре города. Тебе теперь придется жить со мной.

— А жена у тебя есть?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет.

«Только Куропаткина», — добавляю почему-то мысленно. Так, стоп. Почему это я снова думаю про Куропаткину? Нельзя про нее думать, когда спрашивают о семейном положении!

— А если я буду жить с тобой, то как же моя школа? — пугается Ваня.

И я тоже пугаюсь. Школа! Про школу я даже не подумал.

— Я хочу остаться в своей школе. Там есть Катя. Она мой лучший друг, — Ваня волнуется, ерзает на стуле.

— Разберемся, — отмахиваюсь. И вдруг цепенею — ведь придурок дядя в лыжном костюме выбросил все вещи моего сына!

— У тебя школьная форма имеется? — уточняю осторожно у сына.

Ваня отрицательно мотает головой.

— Мама сказала, что мы все купим, когда она вернется из поездки. Рубашки, тетради там, пенал, в общем, все.

— Ясно.

На самом деле мне ясно, что дело дрянь. Вместо поездки к отцу на юбилей я вляпался в какой-то нескончаемый кошмар. Но делать нечего. Ребенок мой, отступать некуда. Придется как-то налаживать нашу общую жизнь.

Я смотрю на часы.

— У нас еще два часа в запасе. Пусть будет шопинг, — принимаю решение.

Ванька прячет коробку с недоеденным бургером в карман джинсов. Она мнется.

— Зачем? — изумляюсь я.

Он тушется.

— Так... для Лютика.

— Лютику в ветклинике подберут сухой корм. Оставь коробку здесь. Перепачкаешь карман соусом, будет некомфортно. Пацан горестно вздыхает и нехотя расстаётся с бургером. Я собираю остатки еды на поднос и отправляю его по назначению.

В кармане звонит мобильник. Извлекаю, смотрю на номер. Незнакомый. Что-то везет мне сегодня на незнакомые номера!

— Аллю, слушаю.

— Олег Григорьевич?

— Да, это я.

— Вас беспокоит Вероника Семеновна, классный руководитель шестого «Б». Я так понимаю, внезапно выяснилось, что вы — папа Вани?

— Я папа, да, — я прижимаю плечом к уху мобильник и одновременно пытаюсь рассортировать отходы с подноса в нужные урны.

— Скажите, Ваня будет продолжать учебу в нашем классе?

— Скорее всего, будет.

— А на родительское собрание в эту пятницу вы придете?

— А на собрания надо ходить?

— Кхм, естественно!

— Значит, приду, — вздыхаю.

— Что ж, приятно было познакомиться. Будем ждать вас на собрании.

...Потом я тащу сына в сторону магазинов. Ловлю себя на мысли, что быть отцом сложно. Без поддержки ласковой женской руки еще сложнее.

Но я не из тех, кто сдается, поэтому стойко подбираю ребенку новую одежду. Благо консультанты - сплошные женщины, и одинокий папа с сыном вызывают у них приступ человеческого.

Через два часа мы покидаем торговый центр с доверху набитой покупками телегой. Чего там только нет – одежда, две пары обуви, тетрадки, пенал, принадлежности, пара ветровок, новые джинсы и несколько футболок, а еще белье и мягкая игрушка – медвежонок.

Оказывается, это игрушка для Лютика.

— Лютик очень любил играть с моим старым медвежонком, до дыр его затаскал, — с волнением делится со мной Ваня. — Думаю, он будет рад новому мишке. Старого же выбросили...

Я вздыхаю и мысленно обещаю себе в ближайшем будущем заняться той самой комнатой в общежитии, которую незаконно захватил двоюродный брат погибшей Татьяны.

В ветеринарной клинике нам торжественно вручают вылизанного до блеска пса. Я снова вздыхаю. Лучше выглядеть он не стал, но хотя бы не воняет псиной так сильно, как три часа назад.

А еще у него новый ошейник, крепкий поводок и паспорт с прививками.

По совету грумера я угощаю пса лакомством и разрешаю себя понюхать.

— Лютик, сидеть, — произношу спокойно. Чудище сканирует меня голубым и карим глазами, принюхивается. Потом осторожно приподнимается на задние лапы. У меня дергается глаз – он становится размером мне по самую грудь. Забирает лакомство и виляет хвостом.

— Ко мне, Лютик, — приказываю ему.

Тот подходит. Изучает меня. Обнюхивает. Снова виляет хвостом, и даже дает погладить себя по несуровой голове.

— Пап, он тебя признал, — торжествует Ваня.

— Отлично, можем отправляться домой, — киваю устало.

В итоге вечер в компании сына обходится мне в две месячных зарплаты.

Когда мы садимся в машину, я чувствую себя так, будто меня пропустили через мясорубку, а потом потоптались и выбросили.

— Лютик, мы едем домой! — торжественно сообщает чудищу Ваня. Обнимает его за шею. — Я так рад, что мы снова вместе! Ты не представляешь, как сильно я этому рад, — приговаривает тихо на мохнатое ухо.

Пес лижет его прямо в лицо, а я пытаюсь привыкнуть к запаху псины в моем салоне. Невозможная пытка для такого педанта, как я.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — уговариваю свое отражение в зеркале заднего вида. Завожу мотор, и машина срывается с места.

Глава 12. Елена

Утро четверга в моей жизни начинается напряженно. Всю ночь я не могла заснуть, мысли о внезапно покинувшей нас подруге и ее сыне не давали покоя. Мне мерещились всякие ужасы, а самое страшное – я никак не могла придумать способ спасти Ваню от эгоистичного чудовища Тихонова.

Пока Катя намазывает масло на хлеб, я раскладываю в наши с ней тарелки овсянку и одновременно набираю номер телефона детского дома. Почему-то я уверена – Тихонов не забрал ребенка. Рука дрожит, а воображение рисует мне все возможные негативные ситуации, в которые за сутки нахождения вне дома мог попасть Ваня.

В семь ноль пять на другом конце берут трубку.

— Алло, здравствуйте, — начинаю сбивчиво. — Я знаю, что слишком рано, но я звоню насчет мальчика Вани Зайцева. Его доставили к вам вчера. Я очень за него переживаю. Я хотела бы его усыновить. Когда можно подъехать, чтобы обсудить подробнее процедуру усыновления?

— Как вы сказали? Ваня Зайцев? — чувствую, что у телефона совсем не директор. Видимо, кто-то из сотрудников. Да и что директору делать на рабочем месте в такую рань? — Не вешайте трубку, я сейчас уточню, как обстоят дела с ребенком.

Я замираю. Перед глазами мелькают рисунки кухонных обоев, и те секунды, что приходится ждать ответа, кажутся мне вечностью.

— Алло, девушка? Вы еще ожидаете? — снова голос в трубке.

Сердце взрывается диким пульсом в висках.

— Да, да, конечно! — подтверждаю.

— Ваню Зайцева вчера забрали домой. Мы не стали оформлять его как сироту, чтобы не мучить лишний раз длительной процедурой усыновления. Ведь по документам у него есть папа, и папа с радостью согласился его забрать.

Мое сердце обрывается и летит вниз.

— Можно уточнить? Его папа – Тихонов Олег Григорьевич? — интересуюсь глухо.

— Да, именно так.

— Спасибо еще раз. Извините за беспокойство.

Я нажимаю отбой. Пульс зашкаливает, и от этого трудно дышать.

— Мам, что там? — Катюша с нетерпением поглядывает на меня.

Я откладываю телефон в сторону.

— Его забрал отец, — произношу как можно спокойнее, чтобы не пугать своего ребенка. Она и так слишком эмоционально восприняла историю Вани.

— Ну... это же хорошо? — в глазах дочки вспыхивает надежда.

— Надеюсь. Просто... его отец – мой сотрудник, и я не могу сказать о нем ничего положительного.

— Видела я его вчера, — Катя морщит носик. — Знатный гусь. Надеюсь, он не переведет Ваню в другую школу.

Я смешливо фыркаю. «Знатный гусь»? Да эти два слова просто идеально описывают Тихонова!

— Вчера вечером в родительском комитете написали, что его отец ничего такого не планировал, — делюсь с дочкой информацией.

«А еще родительский комитет полчаса не мог поделить его между собой, потому что всем нужен новый папа», — подсказывает подсознание, и я вспыхиваю. Почему меня так цепляет, что он нравится другим женщинам? Может, потому что меня он определил в особую касту изгоев?

И вроде бы надо радоваться, что Тихонов проявил чудеса человеколюбия, взял на себя ответственность за неведомого ему ребенка, но вместо этого я чувствую досаду. Прибила бы этого знатного гуся! Так и чешутся руки.

— Мама, ты не переживай, я сегодня в школе все у Вани узнаю. На физкультуре все равно делать нечего, — успокаивает меня Катя.

— Только если там что-то не так, пиши мне сразу! — усаживаясь рядом с дочерью за стол, прошу я. — Будем жаловаться в попечительский совет.

— Я обязательно тебе доложу, — округлив глаза, отчаянно кивает головой Катя, и ее закрепленная бантом коса при этом смешно подпрыгивает.

Я завожу дочку в школу, а потом отправляюсь на работу. Нахожу место на парковке перед главным корпусом нашей больницы, а потом иду в кофейню, что расположена тут же, в небольшом сквере.

Я люблю покупать себе кофе перед началом рабочего дня.

Бариста Илья обворожительно мне улыбается.

— Леночка, доброе утро! Как обычно?

— Да, двойной эспresso, без сахара, — киваю согласно.

— Сейчас будет. Хочешь печенье в подарок? У нас сегодня акция.

И он указывает мне на разрисованное табло на стене. Там действительно акция. А еще появился мой любимый тыквенный раф с корицей.

Обещаю себе купить его завтра утром. А пока надо взбодриться с помощью эспresso — сегодня у нас с Тихоновым назначена плановая операция. К десяти часам утра мне надо быть морально готовой к нашей совместной работе.

Забираю свой кофе в бумажном стаканчике и уверенно иду в сторону главного входа.

Толкаю стеклянную дверь и погружаюсь в привычную для меня атмосферу. Больница скорой медицинской помощи живет шумной жизнью. Здесь круглосуточно суета. Ночное дежурство сменяется дневным. Медперсонал прибывает на смену, проводится краткий брифинг: обновления по новым прививкам, изменившимся протоколам, списки критических пациентов, состояние оборудования. В воздухе ощущается смесь запахов антисептиков. Главный девиз сотрудников — тотальная готовность принять пациентов любой сложности.

В это все я влюбилась в тот миг, когда впервые переступила порог больницы еще студенткой мединститута. С тех пор ни разу не изменила своему первому ощущению. Сколько бы лет я здесь не работала, а мне все мало. Медицина — мое призвание.

Поднимаюсь на лифте на нужный этаж, захожу в ординаторскую, и настроение мгновенно портится. Мое призвание никак не бьется с сидящим на диванчике хирургом Тихоновым. Олег Григорьевич занят важным разговором по мобильнику. Сидит, прижав плечом аппарат к уху и скользит по мне оценивающим взглядом.

Я сдержанно киваю. Ставлю кофе на столик возле дивана и иду к шкафу, в который мы вешаем свою верхнюю одежду.

На автомате прислушиваюсь, о чем говорит с неведомым мне собеседником мистер Знатный Гусь.

— Да, девушка, мне нужна няня. Для сына, все верно. Приучен ли он к горшку? Что за дурацкие вопросы?! Я же указал в анкете — ребенку одиннадцать лет!.. Да, и у няни должен быть навык выгула собак крупных пород!.. Не имеется?.. Что значит, поискать кинолога?

Разъяренно фыркнув, Тихонов жмет на отбой.

— Что за идиоты работают в агентствах по найму? — рычит в пустоту. — Доброе утро, Елена Николаевна! О, вы купили мне кофе? Право, не стоило...

Я резко оборачиваюсь.

— Это не вам! Верните кофе!

Но поздно. Тихонов уже успел вскрыть мой бумажный стаканчик.

Он отпивает глоток двойного эспresso без сахара, и его глаза лезут на лоб.

— Фу, гадость!

— Вы... вы... — шиплю возмущенно, но в ординаторскую заваливается хирург из ночной смены.

— Олег, приветствую. У меня к тебе разговор, ночью поступил один тяжелый пациент, — он манит Тихонова в коридор, и тот забывает про мой кофе, который посчитал своим.

— Вот мерзавец, — бурчу себе под нос. Беру испорченный слюной Тихонова напиток и выбрасываю его в мусорный бак. Зря потратила двести рублей. Придется пить тот, что продается в автомате этажом ниже.

Делаю себе новую порцию, уже успев переодеться в белый халат и спрятав волосы под шапочку.

В ординаторской оживленно. Врачи меняются после смены. Потом становится тихо. Я стою у окна, рассматриваю почти осенний пейзаж за окном и пытаюсь настроить себя на позитивный лад. Впереди операция, поэтому я наслаждаюсь моментом тишины. Стою, прикрыв глаза и убеждаю себя, что злиться на Тихонова нет смысла. Я же выше этого, да?

И вдруг кто—то сзади обхватывает меня за талию.

— Елена Николаевна, вот вы где, — опалает шею горячее дыхание мерзавца, испортившего мой кофе.

Роман "Просто останься"

<https://litnet.com/shrt/d61V>

Глава 13. Елена

— Елена Николаевна, вот вы где, — опалает шею горячее дыхание мерзавца, испортившего мой кофе.

Мое сердце екает, а потом начинает отбивать бешеный ритм. По коже летят странные мурашки, как будто от холода. Что это? Ненависть в новом обличье?

Я резко разворачиваюсь. Сбрасываю с себя его руки, и наши взгляды сталкиваются в каком-то странном поединке. Кто кого раньше испепелит? Или...

— Не подскажите, нет ли среди ваших подруг женщины, которой нужна частичная занятость? — его взгляд скользит по моему лицу, останавливается на губах и детально их изучает.

— Хм... хотите сбавить внезапно упавшего на голову сына на хрупкие плечи незнакомой женщины? — уточняю ядовито, скрестив руки на груди. О, как мне не нравится детальное изучение, которым искрит его взгляд! — Так не стоило становиться у меня на пути. Я бы позаботилась о мальчике намного лучше.

Он закатывает глаза.

— Почему вы такая едкая? Как ведьма, честное слово...

— Гусь!

— Что?

Упс. Случайно вырвалось. Как-то само собой. Но это его оскорбленное выражение лица! Прямо бальзам на душу.

— Говорю, почитайте пособие по воспитанию подростков. Может, что почерпнете? — ослепительно улыбаюсь.

— Нет, постойте. Не переводите тему! Вы назвали меня гусем? Это оскорбление!

— Оскорбление? Что вы, нет! Скорее, комплимент.

— Ну, знаете, гусем меня еще не называли!

— А у меня еще ни разу не отбирали кофе, за который я заплатила!

— Черт, так вы его не мне купили?

Кажется, Тихонов обескуражен. Его хамоватая самоуверенность дает брешь.

— Вы так ловко передо мной его поставили, что я решил... Какая глупость. Как я мог подумать, что такая язва может принести мне кофе? Сколько он стоил? Я верну вам деньги!

Он хлопает себя по карманам в поисках бумажника.

Я вспыхиваю. Как он меня назвал? Язвой? Вот гад.

И ситуация такая глупая! Глупее не придумаешь. Не понимаю, почему мы с ним ведем себя, как идиоты? — Не нужны мне от вас деньги! Лучше позаботьтесь о ребенке как следует. У него сейчас очень сложный период жизни, — отпираюсь от возврата денег и вдруг улавливаю странный запах. Принимаю.

— Что? — так и не найдя несчастных двести рублей в бумажнике, настораживается Тихонов.

— Чем от вас пахнет?

— И чем же?

Я морщусь.

— Кажется... мокрой псиной.

— Твою дивизию!

Олег Григорьевич начинает отряхиваться, но меня уже не остановить. Напряжение, копившееся во мне больше недели, внезапно вырывается из-под контроля.

— Где вы ночевали? На псарне? — отступив на шаг, уточняю ядовито.

Тихонов закатывает глаза. Идет к шкафу, достает оттуда свежую футболку.

— Я не ночевал на псарне. Просто к ребенку, которого вы так хотели у меня отнять накануне, прилагается огромное чудище с разными глазами, — поясняет, переодеваясь.

А я внезапно замираю. Просто не могу отвести взгляд от его четких рельефных мышц и едва заметной поросли светлых волос на груди... Что со мной? Я поплыла от крепкого торса мерзавца, укравшего мой кофе? Вот к чему приводят годы одиночества! «Надо было слушать подруг и хоть иногда ходить на свидания», — корю себя мысленно и чувствую, как горят от смятения мои щеки. А ведь он ничего не сделал! Просто сменил футболку.

Не выдержав напряжения, я срываюсь с места и быстро ретируюсь в холл. Пробежав два пролета по лестнице, прижимаюсь спиной к стене и пытаюсь отдышаться. Кажется, что-то пошло не так.

Глава 14. Елена

Операция длится несколько часов, но проходит на удивление спокойно. Тихонов оперирует не один, с ним второй хирург – Антон Евсеев. Они сосредоточенно работают, изредка обмениваясь короткими фразами о состоянии пациента. Весь персонал выстроен здесь же. Две медсестры готовы к любой команде. Я тоже готова в любой момент среагировать на опасность. К счастью, пациент стабилен на протяжении всей операции.

— Елена Николаевна, там у вас мобильник разрывается, — шепотом докладывает заглянувшая в приоткрытую дверь старшая медсестра Наталья.

Я киваю. Тихонов вместе с Евсеевым покидают операционную. Снимают использованные перчатки, тщательно моют руки, обсуждая операцию.

Я забираю мобильник, выхожу в холл и натываюсь на красивую брюнетку. Ее волосы идеально уложены, макияжу бы позавидовали модели из журнала «Вог», а стильный брючный костюм насыщенного изумрудного цвета и вовсе выше всяких похвал.

— Скажите, а Олег скоро освободится? — с легким оттенком пренебрежения интересуется она у медсестры. — Я уже сорок минут его жду. Сколько можно?

Та скользит завистливым взглядом по брендовой сумочке и пожимает плечами.

— Так у Олега Григорьевич плановая операция, женщина! Пройдите к ординаторской, он скоро освободится.

Я отмахиваюсь от приторного шлейфа дорогих женских духов и делаю вид, что мне совершенно неинтересно, кто это такая. Но на самом деле, конечно, все наоборот.

Что за красавица пожаловала в нашу больницу? Если это потенциальная будущая мама Вани Зайцева, то я обязана знать, что она за человек. Ведь мамой Вани должна была стать я! И если бы Тихонов не увел ребенка у меня из-под носа, то все было бы хорошо. Только он увел. И теперь я обречена волноваться из-за его личной жизни, ведь мамой Вани может стать кто угодно!

Втягиваю голову в плечи и ускоряю шаг. На ходу открываю мобильник, с тревогой ищу пропущенные вызовы. Волнуюсь, что это может быть дочь.

Но нет. Катя мне не звонила. Зато шесть раз звонил бывший муж. Ему-то что нужно? Семь лет не виделись с ним и его мамой, и еще столько бы не видеться.

Через пропущенные вызовы проскальзывает сообщение от Катюши. Она записала круглик на уроке физкультуры, и чтобы его прослушать, мне надо уединиться.

Оглядываюсь и юркаю в дамскую комнату – послушать последние новости от дочки.

Включаю запись.

— Мама, ты не поверишь! Ваня сегодня пришел в новых джинсах, новой рубашке, и от него пахнет мужскими духами. Он сказал, что стащил их у своего нового папы из комода. А самое главное – они с новым папой спасли Лютика, которого новый хозяин Ваниной комнаты отдал на усыпление! Знаешь, мам, я вот тут подумала: может, твой гусь не такой плохой на самом деле, раз он Лютика спас?

Круглик обрывается.

— П-ф-ф-ф, — возмущенно пыхаю. «Твой гусь»? Я не ослышалась?

Ты смотри, нашлась юная ценительница благородных мужских поступков!

По дороге в ординаторскую я на всякий случай смахиваю пропущенные звонки бывшего мужа с экрана. Нам со Станиславом говорить не о чем. С тех пор, как он перестал платить алименты, сославшись на критическое положение дел, я игнорирую его попытки связаться со мной. А перестал он их платить семь лет назад. Зато фотографии, на которых мой бывший муж красуется на фоне Дубая и Кипра, выкладывать в соцсеть не забывает. Этот идиот думает, что если удалил меня из друзей, то я не вижу его посты! А я на него подписана. И все вижу.

Когда-нибудь я соберусь с духом и подам на него в суд. Но не сегодня. Сегодня у меня другие проблемы.

Я возвращаюсь в ординаторскую, где натыкаюсь на ту самую пышущую гламуром особу в стильном брючном костюме.

Запах ее духов плотно забивает воздух, и от этого становится неприятно. Они через обоняние закрадываются под кожу и вызывают аллергическую реакцию.

Я хочу быть любезной, но не получается. Она ведь могла подождать в холле? Там есть специально отведенные для ожидания места. Между прочим, с диваном и кулером. Ординаторская – место исключительно для сотрудников больницы, а не для посетителей.

Но, судя по всему, некоторым правила больницы нипочем.

Мы с гламурной особой сидим почти рядом и делаем вид, что нам нет друг до друга никакого дела. Я заполняю истории болезни, но, если честно, гостя меня жутко раздражает.

Я уже собираюсь предложить ей покинуть помещение, как вдруг в ординаторской появляется Тихонов.

— Олежа, ну, наконец-то! — гламурная особа закатывает глаза и поднимается со своего места.

Лицо Тихонова вытягивается. Бровь напряженно дергается.

«Неужели бывшая жена пришла выяснять отношения?» - мелькает в моей голове догадка.

А потом я слышу громкое тихоновское:

— Ты что здесь забыла, курица?!

И давлюсь глотком кофе.

Они выходят в холл.

Я не могу остаться в стороне - отныне судьба Вани зависит от того, кто станет избранницей его папаша.

Поэтому я без зазрения совести откладываю авторучку в сторону и прислушиваюсь к разговору.

Глава 15. Елена

Да, это я, Елена Куропаткина, подслушиваю чужой разговор. Какой стыд. Ну, а с другой стороны, ничего постыдного в моих действиях нет. Я теперь с Тихонова не слезу. На кону Ваня!

«Ты специально вчера не приехал поздравить отца?»

«Случился форсмажор»

«Он тебя ждал!»

«Не смей меня!»

«Он просит, чтобы ты приехал на совет директоров сегодня в пять часов вечера»

«Я не приеду. У меня много работы»

«Кому нужна твоя работа? Сколько тебе здесь платят? А я предлагаю сделать выгодную инвестицию!»

«Уточни: инвестицию в будущее твоего Филиппа!»

«Давай начистоту? Ты мог бы занять его место, но вместо этого занялся никому не нужной медициной. Так что пожинай плоды своего упрямства!»
 «Слушай сюда, Лариса. У меня нет денег, на которые вы все рассчитываете. Я их потратил. Так и передай моему любимому папочке».

«Потратил? Ты? Да ты себе новые джинсы купить не можешь! Куда тебе столько денег пустить на ветер?»

Я слышу громкий женский смех.

А потом резкое тихоновское:

«Уясни одну истину: я сам по себе, вы сами по себе. Я не приду на ваш пафосный совет директоров. Пусть папа не ждет. Вам с Филиппом придется найти другого инвестора для своей стройки!»

«Ты не понимаешь, от чего отказываешься!»

«Поверь, я понимаю. А еще я знаю, на что вы надеялись. На то, что мама не успела составить завещание, верно? Клянусь, рано или поздно я докопаюсь до истины. Докажу, что маму на том перекрестке сбили не случайно!»

«Какой же ты мерзавец... теперь я понимаю, отчего отец тебя ненавидит»

«Это взаимно, курица! А теперь проваливай из моей больницы!»

Дверь громко хлопает, и Тихонов снова показывается в ординаторской.

Я хватаюсь за ручку и прячу глаза в историю болезни.

— Елена Николаевна, а вам никогда не говорили, что подслушивать некрасиво? — приподняв бровь, ядовито интересуется Олег Григорьевич.

Я воинственно расправляю плечи.

— Вы не оставили мне выбора. Вчера вы забрали сына моей подруги, и теперь я обязана знать, какой образ жизни вы ведете. С кем общаетесь, с кем встречаетесь.

— Вы совсем с дуба рухнули? Зачем вам это?

— Я должна видеть, кто станет его матерью!

— Матерью?

С губ Тихонова срывается усмешка.

— Уж эта курица точно не станет ему матерью!

Я вспыхиваю.

— Курица? Вы всех своих женщин так называете? — уточняю оскорбленно.

Тихонов фыркает. Внезапно оказывается рядом со мной и усаживается на свободный стул с другой стороны стола.

— Не-е-ет, что вы, Елена Прекрасная! Только Ларису. Она заслужила, поверьте.

— Чем же? Вы что, женский шовинист?

— Причем здесь шовинизм? Эта мымра была любовницей моего отца на протяжении нескольких лет! После гибели моей матери она слишком быстро вышла за него замуж. А сейчас они вместе пытаются отжать у меня наследство. Считаете, она не заслуживает такого прозвища?

— О... — я тушуюсь. — Не знала, что у вас такие сложные семейные отношения.

— Сложные? Нет у меня никаких семейных отношений! Только ненависть и желание найти преступника, лишившего жизни мою мать!

Я осторожно выдыхаю. Что ж, по крайней мере, в воображении этого странного хирурга меня не обзывают обидным прозвищем из семейства птичьих. На фоне «курицы» Елена Прекрасная звучит, как комплимент.

От мысли о том, что гламурную гостью обозвали курицей, становится приятно.

Пытаюсь сосредоточиться на записях, но ничего не выходит. Тихонов так и сидит рядом со мной, листает ленту в мобильном. Просматривает пропущенные вызовы и отвечает на сообщения. Из-за его близости я совершенно не могу сосредоточиться. И что со мной такое? Почему он так на меня влияет?

Не выдерживаю испытания, откладываю ручку в сторону. Испепеляю его взглядом.

— Ладно. Давайте начистоту, Олег Григорьевич. Что вы планируете делать дальше?

Он непонимающе отрывается от ленты в телефоне.

— Вы хотите пригласить меня на ужин? О... предупреждаю сразу: я не приемлю такое понятие, как «разделим счет поровну». Предпочитаю платить за двоих, даже если приглашение исходит от женщины. Никакого феминизма! В отношениях я предпочитаю исключительно патриархат. Платит мужчина.

— Прекратите издеваться! Я бы ни за что не пошла с вами ужинать. — чувствую, как меня бросает в жар. — Я имею в виду Ваню!

— Хм, — он потирает переносицу. — Было глупо надеяться, что вы пригласите меня на свидание.

— Сви...свидание?! — я заикаюсь и судорожно сжимаю брошенную на стол ручку. — Что за бред? Вы можете хоть иногда быть серьезным?

— Ну... если серьезно, то я планирую после работы отправиться в полицейский участок и написать заявление на одного весьма ушлого товарища в лыжном костюме. Так вас устроит?

— Человек в лыжном костюме совершил какое-то преступление?

— Он хотел усыпить чудище по кличке Лютик, а еще он незаконно отправил племянника в детский дом, заняв его комнату в общежитии. Собирается сдавать ее квартирантам.

В моих глазах вспыхивает воинственный огонь.

— Я еду с вами! Это даже не обсуждается!

Тихонов несколько мгновений оценивающе меня рассматривает.

— Хм... если бы вы с таким азартом пригласили меня на свидание, вам цены бы не было. Но мне нравится ваша бескомпромиссность. Так что, поехали.

Я шумно выдыхаю: «П-ф-ф-ф». Чувствую, как меня снова бросает в жар. Невозможно сидеть рядом с ним и думать о работе! Он меня смущает, сбивает с толка... В общем, чем дальше в лес, тем больше дров. И это мы работаем вместе вторую неделю.

— Кстати, мой сын написал, что отправляется после школы в гости к вашей дочери. — внезапно отрывается от телефона Тихонов. — Это нормально?

Я киваю.

— Да, конечно. Они всегда так делают. Ходят друг к другу в гости, учат уроки. Я научила Катю готовить бутерброды, в холодильнике еще есть суп, так что они не пропадут.

— Отлично. Тогда пусть мой спиногрыз сидит у вас дома, пока мы не вернемся из полиции?

— Пусть посидит у меня, — киваю согласно. И в тот же миг ощущаю эйфорию от того, что Ваня в полном порядке. А уж Катюша позаботится о том, чтобы он не голодал и сделал уроки.

— Что ж, по рукам, — Тихонов согласно кивает и наконец поднимается со своего места.

В тот же миг я испытываю невероятное облегчение. Он думал, что я хочу пойти с ним на свидание? Совсем рехнулся? Чтобы я и с ним?! С этим гусем? Да ни за что! Вот в ментовку заявление писать я с ним поеду. В ментовку – другое дело. Полезное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.